
Елена ЗИНГЕР

«ЧЕРТЫ ДАЛЕКОЙ, БЕДНОЙ ДЕВЫ...»

Стихотворение «Не пой, красавица, при мне. .», столь краткое и на вид простое, являет собой пример означенного Владиславом Ходасевичем свойства пушкинской поэзии: «необычайная простота его стихов таит столь же необычайную сложность мыслей и чувств»¹.

Не случайно это стихотворение привлекло внимание символиста Андрея Белого. Анализируя «одно из лучших стихотворений Пушкина», он подчеркивал необходимость активной внутренней работы читателя — «нашего творческого отношения, чтобы завершить символ, который лишь загадан в стихотворении, но не дан в определенно-кристаллизованном образе»² Иными словами, от «нас» требовалась попытка вникнуть в глубинный смысл стихотворения.

Изучение его пушкинистами и музыковедами, в основном с точки зрения его «романсной» природы, имело длинную историю, обобщенную в большой статье Р. Иезуитовой «Не пой, красавица, при мне»³

---

¹ Ходасевич Владислав Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924 С 143

² Белый Андрей «Не пой, красавица, при мне » А С Пушкина // Символизм М Мусагет 1910 С 426

³ Иезуитова Р В «Не пой, красавица, при мне» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов Л Наука, 1974 С 121–138

Несмотря на видимую случайность повода к его написанию — услышанная поэтом грузинская мелодия, переданная М. Глинке приехавшим из Грузии Грибоедовым, — стихотворение стало своеобразным этапом в развитии пушкинской лирики.

Впрочем, и «случайность» эта весьма относительная, ибо речь идет о круге друзей, встречавшихся в мае 1828 года в имении Олениных Приютине под Петербургом, где «милый Глинка» собирался давать уроки пения Анне Олениной⁴, в которую Пушкин был тогда влюблен. Так что версия М. Цявловского — считать исполнительницей грузинских «напевов» Оленину — вполне убедительна. Неизвестных обстоятельств вроде стало меньше. Но неоднозначным, вернее — многозначным, оказался необычайно длительный процесс создания стихотворения.

В истории исследования этого процесса основополагающим стал обнародованный Цявловским белой автограф первой редакции с начальным стихом «Не пой, волшебница, при мне...», датированный 12 июня 1828 года вместо исправленной даты — 3 июня (ПД, № 904)⁵.

Уже в этой небольшой, как будто легкой в восприятии редакции давали о себе знать необъяснимые мотивы:

Не пой, волшебница, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Как пишет А. Белый, «подразумевается неопишное видение, которое, однако, закрывается от взора читателя»⁶. Действительно, кажется, что Пушкин произвольно отклоняется от заявленной темы. В его сознании всплывают ранние кавказские впечатления поездки с Раевскими 20-го года:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины.
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

Видимо, поняв, что сопоставление Грузии с воинственным Кавказом отдаляет основной мотив его замысла, Пушкин перечеркивает эту строфу и в ее новом варианте ограничивается одним словом — «жестokie»:

⁴ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 256–257.

⁵ Цявловский М. А. Два автографа А. С. Пушкина. М., 1914. С. 3–13.

⁶ Белый Андрей. Указ. соч. С. 416.

Увы, напоминает мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, милой девы.

И опять остается неясным, отчего воспоминание о лунной ночи с милой девой так мучительно, что поэту приходится повторить свою просьбу:

Не пой, волшебница, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Что касается зачеркнутой строфы, то она обрела в пушкиноведении особое значение, став поводом представлять Кавказ местом «другой жизни» поэта, а четырнадцатилетнюю Марию Раевскую, участвовавшую в той поездке, — как «далекую, бедную деву». По словам Иезуитовой, после выхода работы Цявловского «Два автографа Пушкина» «стихотворение стало безоговорочно включаться в цикл произведений, посвященных М. Н. Раевской»⁷. (Многие годы она считалась, под влиянием П. Щеголева, вдохновительницей условного «цикла» — «Утаенная любовь Пушкина».)

Но продолжим историю создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне...» в его законченном виде.

Спустя полгода после июньской рукописной редакции, в конце декабря 1828 года, в альманахе Дельвига «Северные цветы» на 1829 год появилось стихотворение «Не пой, красавица, при мне...». Измененными в нем были не только первая строка, но и эпитет: не «милой», а «бедной» — «Черты далекой, бедной девы!..», — и главное — прибавилась еще одна, третья, «ключевая» строфа, осветившая глубину смысла стихотворения:

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Наконец, прорвалось так долго скрываемое слово — «призрак». Оно уже появлялось в «Воспоминании», но не было тогда печатно оглашено.

И вот тайна «рокового» призрака впервые открывается не конкретной «волшебнице», а некой «красавице».

---

⁷ Иезуитова Р. В. Указ. соч. С. 133.

Очевидна заслуга Иезуитовой, привлекшей внимание к «двум стадиям» работы Пушкина над стихотворением — «рукописной» и «печатной». Но они не были восприняты ею как звенья воплощения замысла, «загаданного» еще в первой строфе стихотворения. Задаваясь вопросом, зачем понадобилось Пушкину возвращаться к тексту стихотворения после создания на этот текст романа Глинки, она отстаивала «романскую» самодостаточность рукописной редакции, противопоставляя ее «безмятежное оленинское начало» драматизму печатного текста, якобы связанного уже с воспоминанием об участии Марии Волконской.

Конечно, сам этот «замысел» был изрядно осложненным. Необычайна емкость краткого стихотворения, в котором уместилось гармоничное сплетение разных тем. Здесь и музыка, и новая любовь, и воспоминание о прежней, и символика места «другой жизни»... К тому же надо всем веет борьба двух противоречивых, по выражению Белого, «представлений»: реального — «поющая красавица» и воображаемого — «призрак девы». Как оказалось, победу в этой борьбе одержало воображаемое.

Задуманное спустя две недели (завершенное еще через восемь дней) после ночной «покаянной» исповеди майского «Воспоминания», стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» становится первым свидетельством проснувшегося в душе поэта порыва к состраданию «бедной деве».

Именно в этом стихотворении Пушкин развивает не опубликованный во второй части «Воспоминания» утаенный мотив двух «призраков», возникший, как ни странно, в тесном окружении майских лирических посвящений поэта А. А. Олениной и А. Ф. Закревской. Но если тогда эти призраки представляли как возвышенные, духовно-отвлеченные, хотя и мстительные, «ангелы», то теперь главный, «роковой» призрак «далекой, бедной девы» оказывается совсем рядом, наготове, вблизи автора и другой женщины, с которой условно связано само присутствие «призрака». Кульминация стихотворения — «Но ты поешь — и предо мной / Его я вновь воображаю».

Эта связь воображаемого с реальностью, вольно или невольно, была подчеркнута Пушкиным поданными им двумя «знаками» — местоположения «другой жизни» и «роковой» встречи — «берег дальный» и «степь».

К счастью, подобное совмещение таких разных знаков было уже прежде опозитизировано Пушкиным в одном из отрывков 1827 года:

Я знаю край там на берега
Уединенно море плещет,

Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

Тот же мотив был повторен в «Путешествии Онегина» в связи со стихотворением одесского поэта В. И. Туманского «Одесса» (1824):

Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом.

Знаменательно, что в одном из таких одесских «степных» садов в 1825 году Пушкин произносил свои «последние моления / В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья»⁸.

Все это выводит нас на одесский берег. А это значит, что мы приблизились к представлению не только о месте, но и о времени пребывания поэта в «другой жизни», о «береге дальном». Но этого недостаточно.

Чтобы вникнуть во внутренний смысл загадочного стихотворения, важно определенно представлять, кого Пушкин мог подразумевать под «призраком бедной девы»⁹. Это сложный вопрос, и для его решения, очевидно, были необходимы еще дополнительные «знаки» со стороны поэта. И они оказались.

У Пушкина вообще была склонность различные явления обозначать их важными для него особенностями. Так, устойчивым знаком Италии стало «голубое небо»; «покаяние» сопровождается «призраками»; слово «берег», как «оберег», включает в себе душевную привязанность («у берегов остался я» и «берег, милый для меня», «вожделенный брег», «Для берегов отчизны дальней» и т. д., не говоря уже о «береге дальном»).

Так, болдинской осенью в «Каменном госте» появляется

---

⁸ Адресаткой этого стихотворения — «Желание славы» — принято считать Е.К. Воронцову. Однако «последние моления» и есть, очевидно, те «незабвенные» молебны, о которых Пушкин вспомнит в стихотворении «Для берегов отчизны дальней...», посвященном «итальянке».

⁹ Предположения на этот счет разные и даже весьма удивительные. Таково, например, высказанное Виктором Есиповым, что, — исходя из «прямого смысла» слова «бедная» — «небогатая», — можно заключить: «“бедной девой” в данном случае вполне могла быть компаньонка сестер Раевских, татарская девушка Анна Ивановна, которая сопровождала их в поездке по Северному Кавказу в 1820 году» (*Есипов В.* «Печаль моя полна тобою...» // Московский пушкинист. Вып. X. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 107). Все это говорит само за себя.

Вообще, стоит напомнить, что слово «призрак», как правило, означает умершего человека.

«знаковое» имя умершей возлюбленной Дон Гуана — «Инеза». Принципиальное значение этого имени определила Анна Ахматова: «...призрак бедной Инезы играет в “Каменном госте” гораздо большую роль, чем это было принято думать»¹⁰. «И от нее расходятся стрелки ко всем покаянным стихам Пушкина (“Черты далекой, бедной девы”, “Русалка”)»¹¹. Мимоходом, в небольшом примечании к своей статье «“Каменный гость” Пушкина», Ахматова раскрывает «покаянную» основу связи двух разных по масштабу стихотворений: «...тема уязвленной совести возникает в лирике Пушкина в конце 20-х годов: грандиозное “Воспоминание” (1828) и написанная через несколько дней “Грузинская песня” (“Не пой, красавица, при мне...”), где роковой образ “далекой бедной девы” напоминает “бедную Инезу”»¹². («Инезу» Ходасевич даже как-то назвал пушкинской «возлюбленной тенью»¹³).

В большой статье Ахматова не назвала действительного имени прообраза «бедной девы». (Ее внимание было особенно сосредоточено на возлюбленных поэта «конца 20-х годов» — Олениной, Закревской, Собаньской...) Но намного раньше это ключевое имя было произнесено все тем же Ходасевичем: «...и отдаленный намек в “Осени” («чахоточная дева». — Е. З.), и “Заклинание”, и “Для берегов”, и “Инеза” в “Каменном госте” — все это, по видимости, о Ризнич»¹⁴.

«Все это» — важное подтверждение того, что образ умершей «бедной Инезы», осененный раскаянием Дон Гуана, был подспудным отражением «призрака бедной девы».

Перед нами в роли Дон Гуана возникает сам Пушкин, с его отчаянными, взволнованными возгласами:

Бедная Инеза!

Ее уж нет! как я любил ее! <...>

Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб — как у больной —
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Да, это ее, Амалии, черты: «Глаза» — «Твой чудный взор,

---

¹⁰ Ахматова Анна. Сочинения. Т. II. М.: Художественная литература, 1986. С. 82.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Владислав Ходасевич о Пушкине // Вопросы литературы. 1999, № 3. С. 113.

¹⁴ Ходасевич Владислав. Указ. соч. С. 7.

то нежный, то унылый», «дивный взгляд»¹⁵; ее, в последнее время, болезненно-тихий голос; муж у нее тоже был весьма «суровый»... Как «парафраза» прошлого обращения поэта к ней — «Тебя уж нет», повторено восклицание Дон Гуана: «Ее уж нет!»

Нравится это или не нравится, но трудно не согласиться с тем, что под образом «бедной Инезы» могла действительно подразумеваться Амалия Ризнич.

Важно подчеркнуть, что образ «бедной Инезы», как и другие не опубликованные поэтом «болдинские» откровения, нес в себе «раскаяние» не только как нравственное очищение, но и как силу возрождения униженных, оскорбленных ценностей.

Путь Пушкина к покаянию был непрост. Чтобы представить всю сложность этого процесса, надо вспомнить о многом. И о его знаменитом, отчасти стрессовом, «равнодушии» к полученной на другой день после известия о повешенных декабристах «вести» о скончавшейся год назад его возлюбленной, возможно, и с обидой на то, что его «пламенная душа» так долго была обращена к «мертвой» — к ее «тени». (Некогда статная «амазонка», Амалия, заболевшая чахоткой и отправленная на лечение с четырехмесячным сыном Александром, умерла через год, по существу в одиночестве, — в Триесте, на берегу Адриатического моря¹⁶.) Вспомним и о последовавших после «равнодушия» обвинениях ее поэтом в «неге», воспалявшей его «нежную» душу, «пламя ревности жестокой»¹⁷. Вспомним и ее «мучительную тень» — «змеи сердечной угрызенья», — обернувшуюся призраком

Еще давно, в своей статье «Воспоминание», Я. Левкович, споря с П. Щеголевым по поводу его несогласия с П. Анненковым, подразумевавшим под одним из двух «призраков» Пушкина Амалию Ризнич, писала: «Такая реакция на смерть, независимо от причин, ее вызвавших, могла обернуться позднейшим раскаянием»¹⁸. А раскаяние... «могло быть связано

---

¹⁵ Жители Одессы вспоминали ее «пламенные очи» Туманский в своем сонете «На кончину Ризнич» (1825) пишет «В живых очах, не созданных для слез, / Горела страсть, блистало небо юга» Там же он делает намек на то, что ее муж «убил цветок полуденного луга» (*Туманский В И Стихотворения и письма СПб Изд А С Суворина, 1912*)

¹⁶ См статью Н П Прожогина «Для берегов отчизны дальней» в *Вопросах Амалии Ризнич* (Литературная газета 1993 № 22 июнь 2)

¹⁷ См опущенную XVI строфу VI главы «Евгения Онегина» — *Пушкин А С Полн собр соч в 10 тт Т V Л Наука, 1978 С 450*

¹⁸ *Левкович Я Л Воспоминание // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов С 115*

с воспоминанием о мертвой»...¹⁹ «Этот нравственный суд и есть тот огонь, который разжигает, “питает” воспоминания об ушедшей любви»²⁰. Так оно и произошло. Впрочем, это уже тема другого разговора.

Однако остается вопрос, почему Пушкин все-таки решил раскрыть сокровенную тайну «призрака бедной девы». Ответить на него можно попытаться, исходя из общей психологической обстановки осени 1828 года.

Это и разрыв Пушкина с Олениной, и его роман с «Клеопатрой Невы» — А. Ф. Закревской, в которую бывали влюблены и Баратынский, и Вяземский (рисунок с ее парадного портрета был в черновике «Полтавы»); это и появление поэмы Баратынского «Бал» (с блистательной Ниной, кончающей жизнь самоубийством), и рецензия Пушкина об этой поэме, его повесть «Гости съезжались на дачу», и вторая редакция стихотворения «Клеопатра» (первая — 1824 год). Эти и прочие осенние события свидетельствовали о возникшем в «поэтической» среде обостренном интересе к типу «роковой женщины», вызывавшей «смешанную реакцию осуждения и сочувствия»²¹. «Миф о Нине оказывается, таким образом, мифом о “бедной Нине”»²².

Ризнич не принадлежала к разряду коварных «роковых женщин». И все же, в широком спектре этого «мифического» образа, на ее противоречивый поэтический облик падал «роковой» отсвет. Ее блистательная «краса» в окружении итальянской музыки и ранняя гибель; ее «дивный взгляд» и «ужасное виденье»; нежность и «сладострастье»; «мстительный ангел» и «призрак милый, роковой»... Все это обретало романтический ореол, способствовавший раскрытию тайны мерцающих в лунном сиянии «черт далекой, бедной девы», видимо, в час последнего незабвенного свиданья.

Опубликованное в альманахе «Северные цветы» на 1829 год вместе с «Воспоминанием», стихотворение «Не пой, красавица, при мне...» стало прологом преображения «призрака» в «возлюбленную тень».

---

¹⁹ Левкович Я. Л. Указ. соч. С. 115.

²⁰ Там же. С. 118.

²¹ Пеньковский А. Г. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. С. 475. (Кстати, слово «дева» в пушкинскую эпоху широко употреблялось в значении «молодая прекрасная женщина». — Там же. С. 474).

²² Там же. С. 70.

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Июль — Август 2005

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредитель: Фонд «Литературная критика»

В НОМЕРЕ:

О чем спорят литературоведы

Перечитывая «Поднятую целину» Шолохова

Заметки о творчестве Набокова

**«Гарри Поттер»
и жанры «взрослой» литературы**

Памяти Татьяны Бек

Литературные провокации П. Альтенберга

**Бабель — редактор и переводчик
Мопассана**